

ПЛУТАРХ ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ
«ГРАЖДАНСТВО» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО И ЛЕГАЛИЗМ
В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

В статье анализируется идейное содержание программного политического стихотворения «Гражданство», написанного во второй половине 1670-х гг. ключевым московским придворным интеллектуалом Симеоном Полоцким. Рассматривается понятие *гражданство* в московском политическом языке, а также устанавливается источник, который поэт положил в основу вирши, – советы семи мудрецов из сочинения Плутарха, предназначенные для демократии. Эти советы Симеон Полоцкий адаптировал для монархии, результатом чего стало провозглашение *закона* обязательным атрибутом власти монарха, фактически равным последнему по своему значению в управлении. Как результат, поэт предвосхитил легализм государства Петра I.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, Плутарх, история России, интеллектуальная история, история понятий

В начале 1675 г. на российский престол вззошел Федор Алексеевич. Одним из важных отличий от предшественников было его образование и – шире – воспитание, данное ему при самом деятельном участии выходца из западнорусских земель Речи Посполитой, православного монаха Симеона Полоцкого (1629–1680), известного при царском дворе своим литературным творчеством. Как отмечает Л.И. Сазонова, «благодаря незаурядному таланту, прекрасной для восточных славян образованности и огромному трудолюбию Симеон Полоцкий стал первым московским просветителем европейского типа. Он принес в русскую культуру многие небывалые в ней ранее явления и по сути, и по форме, и по масштабу. Идеологические и художественные новации, введенные им, а также другими выходцами из бывших окраин Речи Посполитой – представителями украинской и белорусской интеллигенции, устремившимися в середине века в свою новую столицу, можно определить как вторжение в национально замкнутую жизнь русского общества европейской пост-ренессансной культуры»¹. Вторжение европейских новаций коснулось и политических идей. Этому более чем способствовало положение Симеона Полоцкого как воспитателя наследника престола, который, настроенный благосклонно к своему учителю, стал царем. Для интеллектуала, жившего в эпоху перемен, Симеон Полоцкий оказался в благоприятных условиях, открывавших новые возможности для распространения в пространстве двора новационных представлений о политике.

Еще в 1863 г. С.М. Соловьев, рассуждая о России накануне петровских преобразований, обратил внимание на деятельность Симеона при дворе: «Симеон Полоцкий был образцом домашнего учителя, какой требовался у нас в XVII, XVIII и даже в XIX веках: выучить детей всему, но без принуждения, уметь подсластить науку, приохотить к ней; но кроме

---

¹ Сазонова 2006: 53.

учения детей домашний учитель должен быть годеи и на другие послуги в доме». И далее: Симеон – «ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем, ловкий собиратель отовсюду чужих мнений и старающийся представить их занятно, заставить выучить их шутя: разумеется, от такого человека нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. <...> посмотрим, что Полоцкий предлагает в виршах своему ученику. Он говорит ему о *гражданстве* и предлагает определения семи греческих мудрецов, внушая, что все они хороши. <...> представляет своему ученику образец доброго начальника... В виршах описывает добродетели, приличные державным»².

В.О. Ключевский, следуя за своим учителем, при анализе «западного влияния» в России XVII в. также обратился к фигуре Симеона Полоцкого: «Люди высшего московского класса старались запастись средствами для домашнего образования своих детей, принимая к себе в дома приезжих учителей, западнорусских монахов и даже поляков. Сам царь Алексей подавал пример в этом. Он не удовлетворялся элементарным обучением, какое получили его старшие сыновья Алексей и Федор от московского приказного учителя, велел обучать их иноземным языкам латинскому и польскому и для довершения их образования призвал западнорусского ученого монаха Симеона Ситиановича Полоцкого». Полагая, что в «его виршах можно видеть стихотворный конспект его уроков», Ключевский писал, что в своих стихотворных произведениях Симеон Полоцкий «касается и политических предметов, стараясь развить в своих царственных питомцах политическое сознание... Он рисует своим ученикам политический идеал отношений царя к подданным в образе доброго пастыря и овец»³. Что примечательно, Ключевский, как и Соловьев, проиллюстрировал политические рассуждения Симеона Полоцкого, прежде всего, виршей «Гражданство».

Наблюдения дореволюционных авторов получили развитие в советское время. В 1953 г. И.П. Еремин, говоря о поэтической энциклопедии Симеона Полоцкого «Ветроград многоцветный», писал, что это – «корпус всей» его «дидактической поэзии». Далее он отмечал:

«сравнительно большое место в составе сборника занимают стихотворения, посвященные общественно-политической проблематике. Сюда относятся: стихотворение «Гражданство», где Симеон Полоцкий устами ряда прославленных философов древности подробно характеризует все те основания человеческого «гражданского» общежития, которые «крепят государства, чинна и славна содевают царства»; стихотворения, где говорится о «гражданских» обязанностях каждого человека, о необходимости «правителям» соблюдать установленные в стране законы, о труде как обязательной основе всякого благоустроенного общества»⁴.

В 1958 г. В.М. Пузиков, оценивая политические идеи, которые развивал Симеон при московском дворе, отмечал: «Требование установления сильной и неограниченной царской власти сочеталось у С. Полоц-

² Соловьев 1962: 149–150.

³ Ключевский 1988: 263.

⁴ Еремин 1953: 232, 233.

кого с поучениями царям по поводу всей их личной и государственной деятельности, по поводу их прав и обязанностей в отношении ко всем членам общества. Он начертал довольно широкую программу внешне-политической и внутренней, государственной и личной деятельности царя. Эту программу и образ “идеального” монарха Полоцкий отчетливо наметил уже в сборнике “Вертоград многоцветный” в таких стихотворениях, как “Гражданство”, “Начальники”, “Закон”, “Труд”, “Разности”, “Нищета царей”, “Любовь к подданным”, “Образ”, “Суд”, “Риза”⁵.

А.Н. Робинсон со ссылкой на «Гражданство» указывал, что, «опережая свое время, Симеон Полоцкий первым в русской литературе стремился выразить западноевропейскую идею абсолютистского легитимизма»⁶. В.П. Гребенюком, О.А. Державиной и А.С. Елеонской «Гражданство» было определено как *программное стихотворение* Симеона⁷. Болгарская исследовательница Л.И. Боева писала, что «одно из лучших стихотворений Полоцкого в сборнике “Вертоград многоцветный” написано в панегирическом жанре, но в нем воспевается уже не царь или царский наследник, а “гражданство преблаго”. В стихотворении “Гражданство” Полоцкий, как все просветители следующего XVIII в., выступает за соблюдение закона в государственной жизни. В государстве тогда все в порядке, когда и царь, и подданные соблюдают законы»⁸.

Итак, исследователи, рассуждая о политических идеях, которые Симеон высказывал при дворе московских царей, отводят центральное место вирше «Гражданство», приписывая ей программный характер. Оказывается, что Симеон Полоцкий именно в этом стихотворении предвосхитил легализм XVIII в., в рамках которого понятие *закон* стало одним из центральных в политическом языке Российской империи⁹. Упомянута авторов вирша «Гражданство» притягивала, прежде всего, своим содержанием. Исходя из него они и устанавливали его программный статус, но, как следует из исследований Л.И. Сазоновой, «Гражданство» и для самого Симеона было программным, оно было частью поэтической энциклопедии «Вертограда многоцветного», над которой Симеон трудился во второй половине 1670-х гг. В ее беловой редакции, с которой, как правило, работали исследователи, стихотворения были упорядочены по алфавитному принципу. Сазонова, изучая автограф «Вертограда», обнаружила, что, «когда Симеон приступал к работе над “Вертоградом”, он не собирался располагать стихи в последовательности алфавита... Он не писал азбучновника и не сочинял стихов на буквы алфавита». Первоначально «Вертоград» состоял из тематических блоков, один из которых был посвящен светской власти. В связи с этим Сазонова отмечает: «Обсуждение проблемы гражданской власти начинается в сти-

⁵ Пузиков 1958: 37.

⁶ Робинсон 1974: 69.

⁷ Гребенюк, Державина, Елеонская 1978: 206.

⁸ Боева 1983: 151.

⁹ Марасинова 2017.

хотворении “Гражданство”... где трактуется о благе государства, искусстве общественного управления. Далее описывается, какими качествами должен обладать начальник, какие отношения должны его связывать с подданными (“Начальник”...; “Непокорство”...; “Суд”...), какие требования к себе он должен предъявлять (“Правитель”...). Качества подданных разбираются в стихотворении “Овцы”¹⁰. Итак, для Симеона именно виршей «Гражданство» открывался разговор о государстве.

Несмотря на внимание исследователей к «Гражданству», оно изучено довольно слабо. Так, еще в конце XIX в. было установлено, что Симеон положил в основу большинства своих вирш из «Вертограда» ряд сочинений западноевропейских авторов. Согласно последним подсчетам А. Хипписли, из 2317 стихотворений «Вертограда» «1234 восходят к Фаберу, 189 – к Меффрету, 42 – к “Великому зеркалу”, 28 – к “Polyanthea”, 12 – к “Золотой легенде” де Ворагине и 7 – к Мархант. Для 855 стихотворений источник пока не найден»¹¹. «Гражданство» находится среди последних. Однако без знаний о его источнике оказывается весьма непросто объяснить, например, благодаря чему Симеон смог предвосхитить легализм XVIII века.

Н.П. Берков в статье 1968 г. постулировал, что в своих сочинениях Симеон настойчиво разрабатывал темы, которые станут ведущими в русской литературе XVIII в., включая тему «идеального государя». Указывая на «Гражданство» и отмечая, что «большое внимание уделяет Симеон Полоцкий теме “закона”», Берков написал о том, что «в творчестве Симеона Полоцкого предвосхищаются темы, впоследствии разрабатывавшиеся русскими писателями XVIII века, источники которых литературоведы видели в произведениях западных философов и моралистов». Из этого он делал вывод: такая «“идеальная” проблематика была продуктивна русским писателям самой жизнью, исторической действительностью, а не почерпнута из просветительской литературы Запада»¹².

Что ж, действительно, без знания источников политического вдохновения Симеона Полоцкого остается только ограничиваться рассуждениями, что именно московская жизнь второй половины XVII в. поставила перед ним проблему идеального монарха. В конце концов, статус придворного интеллектуала и учителя наследника престола располагал к тому, чтобы затрагивать в творчестве актуальные политические проблемы. Однако такое допущение игнорирует вопрос о возможностях интеллектуала откликаться на запросы жизни определенным способом, равно как и формировать новую проблематику, исходя из собственных идейных предпочтений и концептуального багажа. Ведь Симеон, пользуясь выгодным положением в придворном пространстве, мог стремиться, основываясь на своем немосковском опыте, привнести в московскую политическую культуру что-то новое. Рассуждений о влиянии

¹⁰ Сазонова 1982: 210, 220.

¹¹ Хипписли 2001: 707.

¹² Берков 1981: 144–146.

исторической действительности все же недостаточно, чтобы объяснить политический язык Симеона Полоцкого и обосновать, почему он оперировал именно понятиями *гражданство* и *закон*, а, например, не более традиционными для Московского царства *государством* и *правдой*. Здесь дополнительно заметим, что исследователи оставили без разъяснений, почему Симеон Полоцкий писал именно о *гражданстве*, а не вынес в заглавие программной политической вирши иное понятие.

В настоящей работе мы специально проанализируем идейное содержание вирши «Гражданство», для чего, во-первых, рассмотрим вопрос о бытовании понятия *гражданство* в московском политическом языке ко времени появления при царском дворе Симеона Полоцкого и, во-вторых, постараемся установить источник, который поэт положил в основу своего программного политического стихотворения.

Что касается *гражданства*, то в академическом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» есть две статьи, связанные с этим словом. Первая – *гражданство*, которое определяется как «Совокупность граждан, общество». В качестве примера его использования приведена цитата из послания Федора Карпова митрополиту Даниилу (между 1522 и 1539 г.). Вторая – *гражданство*, которое определяется как «гражданское устройство, порядок». В качестве примера дана цитата из «Арифметики» Л.Ф. Магницкого 1703 г.¹³ Разнесение в разные статьи *гражданства* и *гражданства* едва ли оправдано. *Гражданство* относилось к набору слов, пришедших в русский язык из старославянского, и в процессе их адаптации старославянское сочетание *жд* иногда заменялось древнерусским *жс*. Однако вследствие второго южнославянского влияния XIV–XVI вв. происходит новое «внедрение в русскую лексику слов с сочетанием согласных *жд* (из исконного *dj*)»¹⁴. Соответственно, *гражданство* и *гражданство* – два варианта написания одного слова. Иное дело, что с этим словом, привнесенным извне, русский читатель мог столкнуться, прежде всего, в переводных текстах, включая Священное писание.

Приведем пример. В московской печатной Библии 1663 г., как и в первом полном издании Священного Писания на церковнославянском языке – Острожской Библии Ивана Федорова 1581 г., во второй книге Маккавейской в рассказе о походе на Иерусалим селевкидского войска был эпизод, во время которого предводитель евреев Иуда Маккавей призвал быть готовыми во время сражения принять смерть «закон ради, и с[вя]щеннаго града, и отечества, и гражданства» (2 Мак 13: 14). Это был не совсем точный перевод с греческого выражения «*περί νόμων, περί ιερῶν, πόλεως, πατρίδος, πολιτείας*», в современном переводе – «за законы, за Храм, за Город, за отечество и за гражданское общежитие»¹⁵.

¹³ Словарь 1977: 117, 118.

¹⁴ Мещерский 1981: 75, 109.

¹⁵ Брагинская, Селезнев, Шмаина-Великанова 2016: 23. В Вульгате это выражение выглядело так: «*pro legibus, templo, civitate, patria et civibus*». Соответственно, в русском переводе конца XV в., который был выполнен с латыни во время работы над

Гражданство – это греческая *πολιτεία*, т.е., в одном из основных значений, гражданская община / политическая общность граждан или, используя современный язык, государство. Если же говорить о латыни, для перевода греческой *πολιτεία* с античности использовали слово *respublica*, а также его синоним – *civitas*. В связи с этим отметим, что в 1649 г. в Москву из Киева прибыл ученый монах-богослов Елифаний Славинецкий, привезший с собой составленный им же «Латинский лексикон», где для латинского слова *respublica* предложен перевод *гражданство, житие народное*. В словаре «Лексикон словенолатинский», составленном Елифанием с привлечением другого выходца из Речи Посполитой Арсения Сатановского, *гражданство* переводилось как *civitas, urbanitas*¹⁶. Итак, за *гражданством* скрывалась идущая из античности традиция, связанная с понятиями *πολιτεία*, *respublica* и *civitas*. Здесь следует отметить, что за понятием *respublica* значение немонархической формы правления окончательно утвердится только к концу XVIII века. До этого времени оно будет регулярно использоваться и для обозначения политической общности (государства) как таковой, вне зависимости от того, монархия это или демократия. При этом с античности подразумевалось, что такая *respublica* имеет целью общее благо своих членов-граждан¹⁷.

Если говорить не о переводных текстах, а об оригинальных сочинениях московских авторов XVI – середины XVII в., то в них понятие *гражд(д)анство* в значении политическая общность / государство использовалось весьма редко. Один раз *гражданство* упоминалось в послании митрополиту Даниилу, написанном московским дипломатом Ф.И. Карповым между 1522 и 1539 г. Последний утверждал, что «потребна суть во всяком гражаньстве правда и законы ко исправлению неустроинных», или, в переводе Д.М. Буланина, «необходимы во всяком государстве правда и законы для исправления бесчинных». Однако специфика этого сочинения заключалась в том, что Карпов в своих рассуждениях ориентировался на тексты античных авторов и прямо ссылаясь на «Никомархову этику» Аристотеля, заявляя, например: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не терпением»¹⁸. Как отметил Д. Фрейданк¹⁹, политическая терминология послания Карпова имела латинскую – не греческую – основу: «дело народное = *res publica* для *πολιτεία*, *πόλις*; начальство = *principatus* для *αριστοκρατία*; гражданство = *civitas*», – в связи с чем можно сделать вывод, что, скорее всего, Карпов «пользовался латинским переводом Аристотеля»²⁰. В этом отношении послание Карпова – одно из довольно редких сочинений московского автора, ориенти-

т.н. Геннадиевской Библией, этот пассаж звучал следующим образом: «за законы, ц[е]рк[о]вь, града, от[е]чства и граждане» (ОР РГБ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. Л. 258 об.).

¹⁶ Лексикони 1973: 353, 441, 472.

¹⁷ Хархордин 2020: 15–19.

¹⁸ Карпов 2006: 354, 355, 352.

¹⁹ Freydank 1968: 104.

²⁰ Буланин 2006: 548.

ровавшегося не только на религиозные тексты православной традиции, а и на сочинения античных авторов и использовавшего соответствующий политический лексикон, включая слово *гражд(д)анство*. Все же в политической культуре России, слабо связанной с античностью, при рассуждениях о формах правления предпочитали прибегать к понятиям типа *государство* и *царство*, отсылавшим к единовластному правлению²¹.

Таким образом, актуализация Симеоном Полоцким понятия *гражданство* в российском политическом лексиконе оказывалась немалой новацией для его московских читателей и слушателей. Стоит полагать, что привлечение данного понятия было более чем осмысленным, на что указывали и другие случаи его использования в «Вертограде». Так, в вирше «Власть» Симеон Полоцкий поместил такие строфы:

Властелин глава, прочие же люди
суть во гражданстве, яко в теле уди.
Глава всех тело, власть люд управляет
и промышляет²².

Таким образом, и *властелин*, и *прочие люди* являлись составной частью именно *гражданства*, а не *государства*. При этом тезис, что *властелин – глава (голова) гражданства*, а *другие люди* – остальные члены политического тела, более чем прозрачно воспроизводил существовавшее со Средневековья западноевропейские утверждение, что «*Rex /Principes caput est Reipublica*»²³.

Виршу «Гражданство» Симеон открывал таким четверостишием:

Како гражданство преблаго бывает,
гражданствующим знати подобает.
разная седми суть мнения,
но вся виновна граждан спасения²⁴.

После этого поэт излагал советы семи древнегреческих мудрецов о *гражданстве*. Схожие «Гражданству» советы семи античных мудрецов обнаруживаются в сочинении Плутарха «Пир семи мудрецов», латинский перевод которого в составе плутарховских «Моралий» издавался с XVI в. Однако при сравнении текста Плутарха и вирши Симеона Полоцкого обнаруживается расхождение в списке семи мудрецов. У Плутарха это были Солон, Биант, Фалес, Анахарсис, Клеобул, Питтак и Хилон. У Симеона Полоцкого вместо Анахарсиса фигурирует Периандр. Из этого можно сделать вывод, что Симеон при написании «Гражданства» не опирался непосредственно на сочинение Плутарха. Следует отметить, что изложение такой политической беседы семи мудрецов по Плутарху, в которой бы вместо Анахарсиса был Периандр, сделал позднеантичный писатель-компилятор V в. Иоанн Стобей. Его тексты, включавшие фрагменты «Пира семи мудрецов» Плутарха, также издавались в Европе с XVI в. как на латыни, так и на греческом с параллельным

²¹ Киселев 2013.

²² Simeon Polockij 1996: 155.

²³ Канторович 2014: 314–320.

²⁴ Simeon Polockij 1996: 227.

латинским переводом. Более того, сочинения Стобея можно было найти в Москве даже до приезда Симеона Полоцкого: в описи имущества патриарха Никона 1658 г. значилась «Книга Стобея Философа, в четверть, печатана Греко-Латински»²⁵. Тот факт, что у Симеона в вирше вместо Анахарсиса фигурировал Периандр, позволяет сделать вывод, что он положил в основу «Гражданства» беседу семи мудрецов Плутарха из антологии Стобея. Дополнительно на это указывает то, как в «Гражданстве» изложен совет Питтака. В платоновском сочинении он звучит так: «То, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя не править»²⁶. У Стобея он был сокращен до следующей рекомендации: «Где злу не позволено править [ubi malis non imperare liceat]»²⁷. В версии Симеона Полоцкого он излагался ближе к Стобею: «В нем же началство не дается злomu». При этом заметим, что высказывания остальных шести мудрецов Стобей передал без значимых неточностей.

Таким образом, в основу «Гражданства» Симеон Полоцкий положил часть сочинения античного автора – Плутарха, пусть и не в совсем точной передаче автора V в. Иоанна Стобея. Теперь рассмотрим, как же именно Симеон адаптировал идеи из Плутарха для своих московских читателей и слушателей. При этом, рассматривая текст Плутарха с учетом его изложения по Стобею, мы будем обращаться к лексике его латинского перевода, так как Симеон Полоцкий не знал греческого языка²⁸ и, соответственно, опирался, прежде всего, на латинский текст.

Симеон Полоцкий, «Гражданство»²⁹	Плутарх, «Пир семи мудрецов»³⁰
<p>Премудрый Виас даде слово свое, Гражданство быти преизрядно тое, В нем же закона як царя боятся, и царя, яко закона, страшатся. Хилон блажит, где законов слушают, Велесловных же ритор не глашают</p> <p>Клеовул паки той град похваляет, Где безчестия вся ся устрашат Гражданин паче закона самаго, на преступники в книгах писаннаго. Периандер же тот славит гражданство, В нем же, всем прочим имущым равенство, Добродетelmi зовутся лучшая и наричутся злобы вся худшая. Питтак похвалу дает граду тому, в нем же началство не дается злomu.</p>	<p>Сказал Биант: «Крепче всего народовластие [democratiam] там, где закона [legem] страшатся, словно тиранна [tyrannum]».</p> <p>Хилон ... откликнулся: «Лучшее государство [respublica] – то, где больше боятся законы [leges], меньше – ораторов».</p> <p>Клеобул: «Самый разумный тот народ [populum], в котором граждане боятся больше порицания, чем закона».</p> <p>Анахарсис (Периандр у Стобея. – М.К.): «То, где лучшее воздается добродетели, худшее – пороку, а все остальное – поровну».</p> <p>Питтак: «То, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя</p>

²⁵ Переписная 1852: 134.

²⁶ Плутарх 1990: 251.

²⁷ Stobaeus 1543: 281. В данном издании Стобея этот фрагмент с советами был озаглавлен «Septem Sapientum apophthegmata de Republica», т.е. «Апофегмата семи мудрецов о республике».

²⁸ Фонкич 2009: 80.

²⁹ Simeon Polockij 1996: 228.

³⁰ Плутарх 1990: 251; Plutarchus 1619: 251; Stobaeus 1543: 281.

<p>Фалес град блажит, где граждане мнози ни пребогати, ни зело узоби Солону град люб, в нем же обид творцы вся равно имут праведныя борцы, Не токмо беду от них страдавшыя, но ни едины тщеты познавшыя. Еще, иде же блазии блажатся, честь приемлющие, злии же казнятся. Еще и в нем же граждане слушают начальных, сии закон почитают.</p>	<p>не править». (У Стобея: «Где злу не позволяется править [ubi malis non imperare liceat]»).</p> <p>Фалес: «То, в котором нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых».</p> <p>Солон начал: «... в том государстве [republica] лучше всего правление и крепче всего народовластие [democratiam], где обидчика к суду и расправе привлекает не только обиженный, но и необиженный».</p>
--	--

Как нетрудно заметить, советы у Плутарха предназначались отнюдь не для любой формы правления *гражданства*, а для *демократии*. Собственно, в «Пире семи мудрецов» велась беседа о единовластных правителях, и лишь после этого от имени Мнесифила Афинянина делалось предложение порассуждать о форме правления, близкой к Афинам: «То, что было до сих пор говорено о царстве и владычестве [de dominatione, & regno], к нашему народному правлению не относится; потому, я думаю, не лишне будет, чтобы снова каждый из вас высказал свое суждение, на этот раз – о государстве [de reipublicum forma], где все равны перед законами [aequali omnes iure]»³¹. Вот после этого семь мудрецов и дали свои советы о том, что должно способствовать устойчивости *демократии*. Именно в последней важно, чтобы среди граждан не было большого имущественного расслоения. Равным образом, именно в демократиях угрозу могли представлять ораторы-демагоги, существование которых в связи с отсутствием публичных демократических процедур в монархиях едва ли было возможно. Далее, при единовластном правлении подданные могли страшиться *тиранна*. Однако это было невозможно в демократии из-за отсутствия последнего. Соответственно, на его место выдвигался *закон*, который и надлежало слушать гражданам, или же, согласно совету Бианта, бояться, как *тиранна* в *тирании*. Кроме того, в демократии было важно, чтобы и необиженный гражданин был готов выступить на страже справедливости, демонстрируя свою вовлеченность в управление, в то время как в монархии /тирании можно, и подчас должно было бы уповать на единовластного правителя и его слуг.

Несмотря на такую демократическую составляющую советов семи мудрецов, Симеон счел возможным адаптировать их для Российской монархии, в связи с чем вирша «Гражданство» завершалась утверждением о пользе советов семи мудрецов о *гражданстве*, где при этом упоминались более привычные для московских читателей и слушателей политические понятия, отсылавшие к единовластному правлению:

Сия суть, яже крепят государства,
чинна и славна содевают царства³².

³¹ Плутарх 1990: 251; Plutarchus 1619: 251.

³² Simeon Polockij 1996: 228.

Таким образом, в «Гражданстве» Симеон демонстрировал весьма интересный *адаптационный перенос*, связанный с помещением политических утверждений из одного контекста (античные рассуждения о демократии) в другой (рассуждения об устойчивости монархии в Московском царстве). Как результат, произошел идейный сдвиг в описании политики в монархии и возникли новые политические смыслы, одним из которых и оказался отмечаемый исследователями легализм.

В плутарховском совете Бианта закон противопоставлялся *тирану* в *тирании*. Симеон Полоцкий, оставляя закон, не мог, озвучивая такие советы в пространстве московской политической культуры, ни сделать закон альтернативой царю, ни поставить закон выше царя. Вместо этого он «просто» добавил к закону фигуру царя, после чего фактически поставил между ними знак равенства: и того, и другого *гражданам* следовало бояться. Однако больше фигура царя в вирше не появлялась, в то время как в советах Хилона и Клеобула вновь упоминается закон, а из совета Клеобула следует, что в виду имелся не некий *Божий закон*, а закон светский, который был записан «на преступники в книгах». Конечно, в заключительный совет Солона Симеон включил рекомендацию, которая отсутствовала у Плутарха: *граждане* должны слушать *начальных*, но затем добавил, что *начальным*, в свою очередь, надлежит *почитать закон*. При этом под *начальными* подразумевался и сам правитель, о чем позволяет говорить написанное Симеоном от имени умирающего царя Алексея Михайловича обращение к взошедшему на престол Федору Алексеевичу, где последний призывался соблюдать *законы*:

Яже подданным творити велиши,
сам прежде закон той да сохраниши.
Паче бо слава, дело подражают,
иже законом царским подлежат³³.

Итак, факт выбора Симеоном Полоцким в качестве центрального понятия концепта *гражданство*, т.е. старославянизма, использовавшегося для перевода латинского понятия *re(s)publica*, был существенной новацией для московской политической культуры. Благодаря этому, понятие *государство*, обладавшее частнопровыми коннотациями, оказывалось в тени, а правитель-*государь* из владельца *государства* превращался в главу *гражданства*, которому надлежало управлять *гражданами* на основании писанных *законов*. При этом закон, благодаря адаптационному переносу плутарховских идей, провозглашался не просто одним из атрибутов власти, а фактически оказывался равным монарху по своему значению в управлении подданными-*гражданами*. Конечно, *законы* отнюдь не ставились выше правителя. Тем не менее, должное отправление власти царем по Симеоноу Полоцкому увязывалось самым непосредственным образом с *законом*. Соответственно, отправление государственной власти должно было протекать в публично-правовом поле в границах, задаваемых *законами*, которые следовало соблюдать и мо-

³³ Симеон Полоцкий 1962: 249.

нарху. В этом отношении Симеон действительно предвосхищал идейно-политическую проблематику XVIII века с ее легализмом. Однако он это делал не на основании использования трудов «новых» – современных ему западноевропейских авторов, а с привлечением «древних» – сочинений античных авторов, в данном случае – Плутарха. Это было одним из свидетельств того, что античное наследие оставалось идейным ориентиром в сфере представлений о власти для ряда авторов раннего Нового времени. В конце концов, Новое время не сразу стало мыслить себя именно Новым, так что политические понятия, призванные описывать новые политические практики, нередко конструировались через обращение к великим «древним», не копируя, а, скорее, реинтерпретируя их сообразно потребностям времени.

В связи с этим стоит вернуться к проблеме, насколько такое обращение к античности было связано с исторической действительностью России последней четверти XVII в. На наш взгляд, использование легалистских советов Плутарха было не просто игрой ума придворного интеллектуала. Московское царство накануне петровских преобразований являлось успешно развивающейся политией раннего Нового времени с увеличивающейся территорией и усложняющейся структурой общества. Как результат, идея личного контроля монарха над всем государственным аппаратом и, шире, над всем царством, все больше и больше превращалась в недостижимую утопию. Последовавшее за царствованием Федора Алексеевича правление Петра I более чем показало невозможность персонального контроля над всеми сторонами управления со стороны даже самого деятельного и харизматичного монарха. Соответственно, *закон* становился весьма удобным инструментом управления деперсонализирующимся государством, своеобразным субститутутом монарха. Однако для такого умозаключения оказывалось как желательным, так и необходимым все же иметь представления о том, что есть не только идеал *государства* во главе с *царем*, судящим всех по *правде*, а что могут существовать политии (*гражданства*), управляемые с помощью строгого соблюдения *законов*. И тут проявлялось важное (предна)значение интеллектуала-во-власти: умение, основываясь на своем концептуальном багаже, сформулировать и выразить идеи, актуальность которых в сфере практик государственного управления определялась лишь на интуитивном уровне. В этом отношении Симеон Полоцкий со своим «Гражданством» оказывался среди тех, кто уже на теоретическом уровне прокладывал путь легализму ментального государства Петра I.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур. Л.: Художественная литература, 1981. 496 с. [Berkov P.N. Problemy istoricheskogo razvitiya literatur. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1981. 496 s.]
- Боева Л.И. Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII вв. София: Изд. Болгарской Академии наук, 1983. 173 с. [Boeva L.I. Razvitie zhanrov v russkoj i bolgarskoj literaturah XV.II i XVIII vv. Sofiya: Izd. Bolgarskoj Akademii nauk, 1983. 173 s.]

- Брагинская Н.В., Селезнев М.Г., Шмаина-Великанова А.И. «Номос» и «номой» во второй книге Маккавеев // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 6. С. 9–38. [Braginskaya N.V., Seleznev M.G., Shmaina-Velikanova A.I. «Nomos» i «nomoj» vo vtoroj knige Makkaveev // Vestnik RGGU. Ser. «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». 2016. № 6. S. 9–38].
- Буланин Д.М. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2006. С. 546–550. [Bulanin D.M. Kommentarii // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 9. Konec XV – pervaya polovina XVI veka. SPb.: Nauka, 2006. S. 546–550].
- Гребенюк В.П., Державина О.А., Елеонская А.С. Античное наследие в русской литературе XVII – начала XVIII века // Славянские литературы. М.: Наука, 1978. С. 194–214. [Grebenyuk V.P., Derzhavina O.A., Eleonskaya A.S. Antichnoe nasledie v russkoj literature XVII – nachala XVIII veka // Slavyanskije literatury. M.: Nauka, 1978. S. 194–214].
- Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 223–260. [Eremin I.P. Simeon Polockij – poet i dramaturg // Simeon Polockij. Izbrannye sochineniya. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. S. 223–260].
- Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 744 с. [Kantorovich E.H. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2014. 744 s.]
- Карпов Ф.И. Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2006. С. 346–359. [Karpov F.I. Poslanie mitropolitu Danilu // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 9. Konec XV – pervaya polovina XVI veka. SPb.: Nauka, 2006. S. 346–359].
- Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // ИВ. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53. [Kiselev M.A. Forma pravleniya i social'naya ierarhiya v Rossijskoj politicheskoj mysli XVII – pervoj chetverti XVIII veka // Istoricheskij vestnik. 2013. T. 6 (153). S. 18–53].
- Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988. 415 с. [Klyuchevskij V.O. Sochineniya. T. 3. Kurs russkoj istorii. Ch. 3. M.: Mysl', 1988. 415 s.]
- Лексикони Е. Славинецкого та А. Корецького-Сатановського / Підг. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1973. 541 с. [Leksikoni E. Slavinec'kogo ta A. Korec'kogo-Satanovs'kogo / Pidg. do vid. V.V. Nimchuk. Kii'v: Naukova dumka, 1973. 541 s.]
- Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 508 с. [Marasinoва E.N. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroj poloviny XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 508 s.]
- Мешчерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981. 280 с. [Meshcherskij N.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1981. 280 s.]
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. [Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki. F. 113. Op. 1. D. 11].
- Переписная книга домової казны патриарха Никона // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 15. М.: Университетская типография, 1852. С. 1–136. [Perepisnaya kniga domovoj kazny patriarha Nikona // Vremennik Imperatorskago Moskovskago obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih. Kn. 15. M.: Universitetskaja tipografiya, 1852. S. 1–136].
- Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. 592 с. [Plutarh. Zastol'nye besedy. L., 1990. 592 s.]
- Пузиков В.М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого // Научные труды по философии Белорусского государственного университета. Вып. II. Ч. II. Минск, 1958. С. 3–56. [Puzikov V.M. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Simeona Polockogo // Nauchnye trudy po filosofii Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. II. Ch. II. Minsk, 1958. S. 3–56].
- Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 408 с. [Robinson A.N. Bor'ba idej v russkoj literature XVII veka. M.: Nauka, 1974. 408 s.]
- Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / под ред. А.Н. Робинсона. М.: Наука, 1982. С. 203–258 [Sazonova L.I. «Vertograd mnogocvetnyj»

- Simeona Polockogo (Evoluciya hudozhestvennogo zamysla) // Simeon Polockij i ego knigoizdatel'skaya deyatel'nost' / pod red. A.N. Robinsona. M.: Nauka, 1982. S. 203–258].
- Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с. [Sazonova L.I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006. 894 s.]
- Симеон Полоцкий. Глас последний ко Господу Богу // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск: Изд. АН БССР, 1962. С. 248–253. [Simeon Polockij. Glas poslednij ko Gospodu Bogu // Iz istorii filosofskoj i obshchestvenno-politicheskoj mysli Belorussii. Minsk: Izdatel'stvo AN BSSR, 1962. S. 248–253].
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д). М.: Наука, 1977. 403 с. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (G–D). M.: Nauka, 1977. 403 s.]
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Соцэкгиз, 1962. 725 с. [Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih времен. Кн. VII. M.: Sosekgiz, 1962. 725 s.]
- Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. 296 с. [Fonkich B.L. Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. 296 s.]
- Хархордин О.В. Республика. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2020. 162 с. [Harhordin O.V. Respublika. SPb.: Izdatel'stvo EU SPb., 2020. 162 s.]
- Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. ЛII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 695–708. [Hippisli A. Zapadnoe vliyanie na «Vertograd mnogocvetnyj» Simeona Polockogo // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. LII. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2001. S. 695–708].
- Freydank D. Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Vol. 13. № 1. S. 98–108.
- Plutarchus. Moralia. Vol. I. Francofurti: Lazari Zetzneri, 1619. 535 p.
- Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnij. Vol. 1: “Aaron” – “Dětem blagoslovenie” / Ed. by A. Hippisley and L. I. Sazonova. Köln [etc.]: Böhlau Verlag, 1996. 356 p.
- Stobaeus I. Sententiae ex thesauris graecorum delectae, quarum autores circiter ducentos et quinquaginta citat. Tiguri: Froschover 1543. 536 p.

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН (г. Екатеринбург); mihail.a.kiselev@gmail.com

Plutarch at the Tsar's Court: Simeon Polotsky's “Commonwealth” and legalism in Russia on the eve of reforms of Peter the Great

The article analyzes the ideological content of the programmatic political poem “Commonwealth”, written in the second half of the 1670s by the key Moscow court intellectual Simeon Polotsky. The concept of *commonwealth* in the Moscow political language is considered, and the source, which the poet used, is identified. There was the advice of the Seven Sages of Greece from the work of Plutarch, intended for democracy. Simeon Polotsky adapted the advice for the monarchy, which resulted in the proclamation of the law as an obligatory attribute of power of the monarch. As a result, the poet anticipated the legalism of the state of Peter I.

Keywords: Simeon Polotsky, Plutarch, history of Russia, intellectual history, history of concepts

Keywords: Simeon Polotsky, Plutarch, history of Russia, intellectual history, history of concepts

Kiselev Mikhail Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg); mihail.a.kiselev@gmail.com